

С самого утра меня не покидало предчувствие, что именно сегодня что-то произойдет в моей жизни. Предчувствие не было тревожным, скорее наоборот. И, выходя из дома, я вдруг подумала: «Сегодня день чудес, день радости и счастья».

Впоследствии выяснилось, что я была весьма далека от истины, — «чудеса» еще куда ни шло, а вот со всем прочим... Однако приходится признать: я хоть и ошиблась в прогнозах, но все-таки догадывалась, что этот день изменит мою жизнь.

Настроение было приподнятое, воображение рисовало долгожданную встречу с единственным, которая, к сожалению, изрядно задержалась. Девушки моего возраста обычно успевают не один раз влюбиться, а многие даже выйти замуж и родить ребенка, а у меня с любовью было туго. Не потому, что я дурнушка, отнюдь. Скромность не позволяет мне назвать саму себя красавицей, но когда об этом говорят другие, я им верю. А чего не верить, раз зеркало есть и со зрением порядок? Мужчины обращали на меня внимание, и не реже двух раз в неделю я бегала на свидание, но далее продолжать знакомства почему-то не хотелось. Не думаю, что я особенно привередлива, хотя как знать... Говорят, человек сам хозяин своей судьбы. Моя мне вообще-то нравилась: интересная работа — я дизайнер в солидной фирме, неожиданно свалив-

шееся наследство — бабушкин дядя, живший в Канаде, где оказался после войны, не только разбогател, но и не забыл перед смертью об оставшихся на родине родственниках. Деньги, завещанные им, позволяли мне жить лет пять в свое удовольствие, и это тоже нараивало на оптимистический лад.

Короче, дело было за любовью, и я ждала ее с нетерпением. Оттого сегодня, выйдя из подъезда, я прошептала как заклинание те самые слова и, весело размахивая сумкой, направилась к рынку. Старогончарный рынок всего в одной троллейбусной остановке от дома моей бабушки, и это расстояние я предпочитала преодолевать пешком. Бабуля затеяла печь пироги и меня отправила за капустой. Сегодня у меня встреча только с одним клиентом в 14.00, до этого времени я и на рынок схожу, и пирогов поесть успею, и любовь встречу, ежели будет на то благословение судьбы.

Я выходила со двора, когда заметила его. На благословение судьбы он походил так же мало, как я на штангиста. Сухонький старичок в потертых джинсах, футболке и смешной шляпе с дырочками, которые носили в шестидесятые или, может, даже в пятидесятые, не знаю точно, годы прошлого века. В сочетании с джинсами и футболкой выглядела она комично. Я бы решила, что старичок — бомж и носит то, что добрым людям давно не нужно, но данному утверждению противоречил тот факт, что дядя, если можно так выразиться, прямо-таки сиял чистотой. И потертые джинсы, и футболка, и даже забавная шляпа — все выглядело безукоризненно.

Старичок сидел на скамейке, с грустью разглядывая что-то у себя под ногами, а когда я поравнялась с ним, поднял голову и улыбнулся. Я машинально кивнула и сказала «здравствуйте», решив, что это кто-то из соседей. Он кивнул в ответ, потом поднялся и пошел за мной. Странное дело: то, что он где-то там за

спиной, внезапно обеспокоило. Я повернулась и увидела, что старичок двигает следом метрах в пяти от меня. Сунув руки в карманы джинсов и поглядывая по сторонам, он теперь фантастическим образом походил на подростка, который из озорства напялил на себя прадедушкину шляпу.

Я продолжила свой путь, чувствуя за спиной странного человечка. Еще дважды оглянулась и убедилась, что он идет за мной, немного поотстав. «Меня это не касается», — решила я, но надежда на внезапную встречу с любовью испарилась, и теперь непонятным образом моими мыслями всецело завладел старичок.

Я собралась перейти дорогу, что вовсе и не требовалось. Наверное, мне просто хотелось убедиться, что старичок идет сам по себе, а не за мной. Я свернула к пешеходному переходу и краем глаза успела заметить, что дядя тоже свернул. Это здорово разозлило, возникло желание взять его за шиворот и поинтересоваться, какого черта он дурака валяет. Но тут же идея показалась на редкость глупой: человек имеет право ходить там, где считает нужным, а если мне что-то померещилось...

И тут я вздрогнула, потому что прямо над ухом услышала громкое «ка-ар». Вслед за этим с ветки соседнего дерева поднялась ворона — огромная, черная и зловещая, как вестник несчастья.

— Чтоб тебе! — буркнула я.

Не скажу, что я всерьез забеспокоилась, но мне стало как-то не по себе, а главное, радостные мысли по поводу близкой любви окончательно улетучились, как та самая ворона. Впрочем, через мгновение я смогла убедиться, что с птичкой все не так просто. Она устроилась на дереве прямо напротив и вроде бы с интересом наблюдала, как я перехожу улицу. Я достигла тротуара, старичок еще только вступил на проезжую часть, а чертова птица вновь разразилась про-

тяжным «ка-ар», и я пожалела, что нет под рукой камня — с удовольствием запустила бы в нее, забыв про ответственность перед меньшими братьями, Гринпис и отринув прочие соображения.

Однако это желание недолго изводило меня, потому что почти в то же мгновение на дороге появился огромный черный джип, который возник как бы из ниоткуда. На бешеной скорости он стремительно приближался к старику. Я испуганно замерла: еще мгновение, и старик будет сбит машиной, но джип затормозил, остановившись в метре от дяди. Вслед за этим мне стало ясно, что джип вовсе не материализовался из ниоткуда, а выехал с улицы Пестеля, хотя летать с такой скоростью в городе не только неразумно, а попросту преступно. «Это ворона, — успела подумать я. — Из-за нее лезет в голову всякая чушь».

Только я собралась было успокоиться, как старичок повел себя в высшей степени странно. Ему стоило бы порадоваться, что все так распрекрасно обошлось, или, наоборот, разразиться гневной речью, что вот, мол, носятся тут всякие сломя голову, так и до инфаркта человека довести можно. Но вместо этого старичок бросился бежать в ближайшую подворотню, умудрившись развить такую скорость, которой и быvalый спринтер позавидует.

Джип рванул на зеленый свет и свернул в первый же переулок, откуда сразу же долетел страшный треск, послышался звон стекла. Поравнявшись с перекрестком, я обнаружила, что хозяин джипа не справился с управлением и влетел в фонарный столб. Столб изрядно погнуло, джип тоже выглядел скверно. В нем сработали подушки безопасности, и трое мужчин в машине с очумелыми лицами пытались справиться с этой напастью. Ворона, устроившись на козырьке ближайшего здания, вывела радостное «ка-ар» и вроде бы даже мне подмигнула.

Вокруг джипа потихоньку собиралась толпа, заинтересованно наблюдавшая за муками пассажиров. Я решила, что с воронами пора завязывать, потому что в голову лезли мысли фантастические и даже глупые (например, что ворона имеет к аварии самое непосредственное отношение), а я считала себя девушкой умной. В общем, я прошла мимо аварии.

Войдя в здание рынка, я вроде бы успела забыть о старичке и уж точно больше не вспоминала ворону. Правда, подозревала, что сегодняшний день, в плане больших чувств, ничуть не лучше предыдущего. Но в суете рынка и эти мысли меня оставили. Я направилась к овощному ряду, и тут старичок возник вновь. Точнее, поначалу я услышала голос, который шел вроде бы из-под земли.

— Ярослав... — прошептал кто-то, и в первое мгновение я решила, что ослышалась, но шепот вновь повторился: — Ярослав...

Я нахмурилась и начала оглядываться, и тут заметила притулившегося между высоченных прилавков с горами фруктов старичка. Очень серьезно глядя на меня, он махнул рукой, приглашая приблизиться, и я, сама не знаю почему, сделала шаг в его сторону.

— Ты ведь Ярослав? — зашептал он.

Глаза у него были странные: зрачок очень большой (может, из-за пережитого испуга), радужная оболочка казалась выцветшей, какого-то бледно-желтого цвета, и на фоне белков с желтыми пятнами была почти незаметна, будто ее и нет вовсе. А еще у него не было ресниц. Совсем. Сморщенное личико напоминало печеное яблоко, но почему-то я была уверена, что не так уж дядя и стар.

— В чем дело? — спросила я и смутилась: вопрос прозвучал довольно грубо. Кашлянула и добавила: — Извините.

— Твой отец... — опять зашептал старик. — Скажи его имя...

— Мой отец умер, — растерялась я.

— Знаю, — поморщился он. — Скажи имя.

— Анатолий Ильич Белосельский, — пробормотала я, теряясь в догадках, зачем старику это нужно. А он облегченно вздохнул.

— Слава богу. Еле узнал тебя, ошибиться боялся. — Дядя сунул руку за пазуху, достал оттуда сверток, взглянул на него, вроде бы в чем-то сомневаясь, и протянул мне: — Никому не отдавай. Никому. Слышишь?

— Что это? — нахмурилась я, отступая на шаг.

— Отец знал, и ты знаешь, — забормотал старик, очень напоминая в ту минуту сумасшедшего. — А больше никому!

— Послушайте... — начала я, а он очень ловко сунул сверток в мою сумку, что меня здорово разозлило. — Послушайте... — повторила я грозно, собираясь отчитать странного дядьку.

— Матюша, — вдруг позвал кто-то рядом, — тебя здесь спрашивают.

Толстая тетка в голубом переднике, вне всякого сомнения, обращалась именно к старичку. Она мотнула головой куда-то в сторону, я проследила ее взгляд и увидела двух рослых парней. На подбородке одного из них — свежий шрам.

— Иду! — весело крикнул старичок, но взгляд его, обращенный ко мне, посуровел. — Ни-ко-му... — нараспев сказал он. — Теперь ключ у тебя, с тебя и спрос... — И дядя юркнул в темноту прилавка.

— Послушайте, — вновь начала я, — эй... как вас... — Назвать дедулю Матюшей язык не поворачивался, я в досаде плюнула, побежала вдоль прилавка, надеясь перехватить старика, но его и след простыл.

Я заглянула в сумку, не удержалась и пощупала

сверток. Желто-коричневая бумага, в которую на почте упаковывают бандероли, шпагат, должно быть, тоже с почты. Внутри что-то твердое, завернутое, кажется, еще и в тряпку. «Ключ, — подумала я. — Старик говорил что-то про ключ. И что мне с ним делать?» Ответ пришел сам собой: разумеется, отыскать Матюшу и выяснить, что он мне такое подсунул, а главное, зачем! Судя по поведению тетки, человек он здесь известный, значит, найти его будет несложно.

Забыв про капусту, я направилась вдоль прилавков и очень скоро едва не столкнулась с Матюшей. Он стоял возле входа в кафе в компании двух мужчин, тех самых, что его искали. Один мужчина что-то говорил ему, а Матюша кивал, слушая без особого интереса. Я направилась к ним, по пути заговаривая первую фразу. Скажу ему: «Будьте добры объяснить, в чем дело...» Нет, лучше так: «Заберите свой сверток и потрудитесь объяснить...» Но ни одну из этих фраз я так и не произнесла. Матюша увидел меня, когда я оказалась совсем рядом, вскинул голову и так взглянул, что слова разом улетучились. Точно под гипнозом, я резко свернула и вошла в кафе. Матюша продолжал кивать, а парень говорить, до меня долетели слова: «Чего ты дурака валяешь?», сказанные укоризненно. Не похоже, чтобы парни ему грозили, скорее уговаривали. И в том, как дядька стоял, как кивал, испуга не чувствовалось. И все же он явно очень испугался, когда увидел, что я приближаюсь, то есть он боялся, что парни обратят на меня внимание.

Я устроилась за столиком кафе, через стеклянную дверь наблюдая за тем, что происходит на рынке. Теперь говорил Матюша, но слова его я слышать, разумеется, не могла, однако по физиономии парня со шрамом догадалась, что по душе они ему не пришлись. Второй парень звонил по мобильному, нервно расхаживая рядом. Матюша сказал что-то резкое, мах-

нул рукой, точно подводя итог разговору, и зашагал по проходу. Парни переглянулись, тот, что со шрамом, пожал плечами, и оба направились к центральному входу, а я вспомнила, что мне нужна капуста.

Происшедшее интриговало и раздражало одновременно. Очень хотелось заглянуть в сверток, но я решила потерпеть до дома. Выпила кофе и отправилась за капустой. Нечего и говорить, что расстояние до квартиры бабули я преодолела в рекордные сроки, хотя, замечая, что вдруг срываюсь чуть ли не на бег, старалась идти медленнее. Куда там! Любопытство — серьезное испытание, и я знала — мне его не выдержать.

Мысли о любви, которая с утра казалась такой вероятной, более не беспокоили, и сожаление, что еще один день в этом смысле прошел впустую, не посетило. Меня одолевали совсем другие мысли. Я думала только о странном старике. Он ведь шел за мной от самого дома. Точнее — от дома моей бабушки. Еще несколько лет назад здесь жила вся наша семья: я, бабушка, мама, а еще раньше — мой отец. До своей смерти. Матюша был знаком с моим отцом, это очевидно. Отец погиб, когда мне был всего год. Если последний раз дедуся видел меня в том нежном возрасте, немудрено, что едва узнал. Нет, должно быть, он все-таки видел меня позднее. Например, был знаком с моей матерью. И еще его интересовало имя отца — он боялся спутать меня с кем-то, отдать сверток не тому, не той... Черт, что же там, в свертке? А если дядька просто чокнутый? Мало ли в городе сумасшедших... Он ждал меня, шел за мной, а еще боялся, что кто-то узнает о том, что он передал сверток мне. Его взгляд возле кафе можно было понять только так: «Проходи мимо и забудь, что мы встречались». Кстати, парни, очень может быть, те самые, что преследовали его на джипе. Точнее, от которых он рванул со всех

ног. Хотя их встреча на рынке выглядела вполне мирной, значит, убежал он от них, преследуя две цели: не хотел, чтобы парни обратили на меня внимание, и желал сохранить факт передачи свертка в тайне. Его последующее поведение данную версию подтверждало. Что же в свертке? Ладно, еще немножко терпения, сейчас приду и увижу...

Тут я некстати подумала о вороне. Не скажу, что люблю мистику, но кое-какие фильмы на эту тему смотрела. И даже с удовольствием. Вóроны и вороны, если память мне не изменяет, зачастую бывали символом зла и пособниками нечистой силы. И здесь птица появилась весьма впечатляюще, хотя, если придерживаться истины, Матюша не пострадал, а вот его возможные преследователи влетели в столб. Так что если сегодняшняя ворона и вестница несчастья, так накаркала она его парням, а не Матюше. Вот и выходит: либо Матюша дружит с нечистой силой, либо все это чушь, что более вероятно.

Я усмехнулась и поспешно вошла в подъезд, радуясь, что разгадка близка. По крайней мере, я на это надеялась. «Отдам продукты бабуле и домой», — подумала я, но тут же поняла, что такое испытание слишком сильное для меня: до моей квартиры довольно далеко, а я и так изнываю от любопытства.

Уже год я жила отдельно, благодаря все тому же наследству. Хотя бабуля и возражала, я все же купила себе квартиру, объяснив это тем, что деньги не должны лежать мертвым грузом, а жилье постоянно дорожает. Бабушка, хоть и нехотя, с моими аргументами согласилась. Теперь я навещала бабулю ежедневно, а вот уживаться с ней под одной крышей было нелегко. Особенно после того, как мама вышла замуж и уехала из города. Бабушка сочла ее поступок предательством по отношению к своему давно погибшему сыну и неустанно вспоминала об этом. Отца я, конечно, не пом-

нила, хотя мне и казалось, что я его люблю. Но мамин новое замужество лично я вовсе не считала предательством. С какой стати молодая красивая женщина должна всю оставшуюся жизнь пребывать в одиночестве? Но объяснять то же самое бабуле было бесполезно, она просто не желала ничего слушать. Когда мама вышла замуж, я училась в школе, решено было, что школу мне лучше закончить здесь, и мама уехала одна, точнее, с мужем. Бабушка, с одной стороны, была очень рада, что я осталась с ней, а с другой — отъезд мамы неизменно трактовала по-своему: «Ребенка бросила ради мужика». В общем, бабуля у меня прекрасный человек, но жить с ней вместе — испытание, вот я и постаралась улизнуть при первом удобном случае.

— Славик, это ты? — крикнула бабушка с кухни, услышав, как хлопнула входная дверь.

Ярославой меня назвал отец. Надеюсь, из лучших побуждений. Бабуля объясняла выбор имени большой любовью отца к русской истории. Уверена, в русской истории можно было отыскать имя и получше, что-нибудь благозвучное и более подходящее современной женщине. Екатерина, к примеру. Ярославой меня называли разве что официально. Друзья, родственники и знакомые предпочитали звать меня Славиком, а то и вовсе придумывали что-то неудобоваримое вроде Яры.

— Я, бабушка, я, — ответила я, проходя с сумкой в кухню.

Бабуля возилась с тестом.

— Капусту не забыла? — спросила она серьезно, как будто я когда-нибудь что-то забывала.

— Не забыла.

Я выкладывала продукты на стол, бабушка стояла ко мне спиной, и я быстро переложила сверток на дно сумки, не желая, чтобы она его увидела.

— Хочешь, помогу тебе? — предложила я без особого энтузиазма.

— Не говори глупости, — отрезала бабушка. — На кухне должна быть одна хозяйка.

— Ну, как знаешь, — пожалала я плечами и удалилась в комнату, которую до сих пор считала своей.

По дороге убрала хозяйственную сумку в шкаф в прихожей, а сверток сунула под мышку. Изнывая от нетерпения, нашла ножницы. «Хороша я буду, если в свертке окажется какая-нибудь гадость!» — мысленно хмыкнула я, разрезая бечевку. Развернула бумагу. Узкий и довольно длинный предмет был завернут в красную бархатную ткань. Несколько секунд я таращилась на нее как бы в преддверии великой тайны, пока на себя не разозлилась: что это я, в самом деле? Развернула ткань и удивленно замерла. На столе лежал кинжал или стилет, поди разберись, как подобная штука правильно называется. Металл, похожий на серебро, хотя и здесь наверняка не скажешь. Ладно, допустим, серебро. Хотя я не слышала, чтобы из серебра делали оружие. Серебро, как и золото, мягкий металл. Значит, скорее какой-то сплав. Длинное тонкое лезвие с острым концом. Но более всего поразила рукоятка. Она была выполнена с величайшим искусством. В переплетении серебряных цветов крест с распятым Спасителем, в его ногах череп. Я перевернула кинжал. То же сплетение трав и цветов, но вместо распятия фигурка животного и какая-то надпись явно на старославянском. Животное — телец, а вот что написано... Очень короткое слово в самом низу никак не желало читаться, пока я не вспомнила, что при написании слов на старославянском гласные зачастую опускали, на их наличие указывал особый знак «титло». При внимательном рассмотрении он обнаружился, и теперь я смогла прочитать слово: Лука.

Поначалу я решила, что кинжал имеет какое-то от-